

Е. А. Цыпанов, Причастие в коми языке. История, семантика, дистрибуция, Екатеринбург 1997. 112 с.;
Е. А. Цыпанов, Грамматическая категория залога, Сыктывкар, 2002. 114 с.

Завершено серьезное исследование грамматических категорий глагола коми языка, предпринятое Е. А. Цыпановым. К сожалению, широкому кругу лингвистов оно может быть доступно лишь в виде двух, тематически ограниченных, монографий и автореферата диссертации (см. Грамматические категории глагола в коми языке, Йошкар-Ола 2002), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тем не менее, учитывая также отдельные публикации автора по данной тематике, легко воссоздать цельную концепцию глагольной системы коми языка, как ее мыслит Е. А. Цыпанов.

Первая из монографий посвящена истории, семантике и дистрибуции причастий, в которых автор вслед за О. Еспененом видит соединение двух начал: они причастны и к имени, и к глаголу, с чем связана их семантика и функции в предложении.

В главе I «Партиципы как атрибутивные формы глагола в коми языке» (с. 12—75) Е. А. Цыпанов учитывает три основные трактовки статуса причастий в современном языкознании (самостоятельная часть речи, разряд прилагательных или глаголов).

С одной стороны, автор рассматривает прауральские отглагольные имена коми языка как источники образования причастий, подробно анализируя историческое развитие имен на *-ысь*, *-ан*, *-м*, *-тм*. В результате на синхронном срезе возникает «омонимия типа коми *ва усьм* ('падение воды') и *усьм лым* ('выпавший снег')» (с. 38). Данный суффикс (*-м*), кроме того, имеет, по мнению Е. А. Цыпанова, синонимичный суффикс *-ма*: *мудзма морт* 'уставший человек' (с. 40), *усьма пу* 'упавшее дерево' (с. 56). Однако о синонимии в этом случае можно говорить лишь вне контекста и не учитывая специфики разговорной речи, для которой нередко характерно как изменение порядка слов под влиянием русского языка, так и топиализация предложения, перенесение фокуса внимания на глагол, когда речь должна идти не об именном, а о глагольном функционировании слова с данным показателем, о т. н. II прошедшем времени, например: *мамыс кулма* 'ее мать умерла' и *меным шуисны мый кулма мамй* 'мне сказали, что умерла моя мама' (полевые материалы автора рецензии: печорский диалект, с. Еремеево — А. К.). Аналогично: *усьма пу* (и *пу усьма*) *туй выл*

'упало дерево' и 'дерево упало на дорогу'. С другой стороны, Е. А. Цыпанов пытается интерпретировать сходства в системах причастий пермских, марийского и обско-угорских языков не только с точки зрения диахронии (на примере истории суффиксов), но и с позиций синхронии, прослеживая семантику причастных форм (результаты исследования отражены в сводной таблице 14 на с. 54). Общий вывод автора сводится к утверждению, что «в коми языке причастия (а также и инфинитные глагольные формы в целом) исторически представляют собой именное образования, отглагольные имена» (с. 46). Далее автор сопоставляет это «единое генетико-типологическое явление», наблюдаемое в уральских языках, с фактами из индоевропейских языков, где в славянских языках (дана ссылка на Г. Пауля) перфектные причастия «развились из имен, а точнее, из имен прилагательных» (46). Между тем, Г. Пауль пишет в указанном тексте: «Исходной точкой для образования этой категории (причастия — А. К.) явились, по всей вероятности, формы, допускавшие возможность двойкой трактовки; их можно было рассматривать либо как производные от основы презенса или аориста, либо как производные от корня, и в дальнейшем по этому образцу производились формы прилагательных от основ других глаголов» (Пауль 1960 : 426). Иными словами, в праязыке произошло сближение по значению прилагательных с причастиями, после чего имел место ряд других формальных сближений, но нельзя говорить о прямом происхождении в славянских языках причастий из прилагательных.

В последующих разделах I главы Е. А. Цыпанов анализирует, привлекая большое количество примеров, взаимоотношения причастий с другими подсистемами глагола (с. 56—58); он приводит вербальные характеристики причастий (с. 59—68). Помимо глагольных признаков у причастий отмечаются признаки, сближающие их с прилагательными, вплоть до появления степеней сравнения и адъективного функционирования (с. 68—69).

Завершается I глава двумя небольшими разделами. В одном из них дается сопоставление причастий коми и русского языков (с. 69—72), отмечаются некоторые особенности коми причастий по сравнению с причастиями русского языка; в другом квантитативно-статистический обзор дистрибуции коми причастий (с. 72—75), причем, значительная часть статистических данных вынесена в приложение (с. 206—210), которое содержит 11 таблиц с результатами статистической обработки использованных материалов.

Глава II «Морфолого-семантическая характеристика причастных форм» (с. 76—185) содержит пять разделов, в которых рассматриваются последовательно причастия с формантами *-ысь* (с. 76—95); *-ан, -ана* (95—127); *-м, -ма* (127—157); *-тм* (157—176) и обсуждается статус образований с суффиксом *-мн* (176—185).

Среди перечисленных причастий следует особо остановиться на анализе форм на *-м/-ма* по нескольким причинам. Во-первых, показатель *-ма* является формантом не только причастия, но и упоминаемого ранее II прошедшего (неочевидного) времени. Во-вторых, данное время непосредственно связано с необычайно часто обсуждаемой в последнее десятилетие категорией эвиденциальности, грамматический статус которой до сих пор однозначно не определен. Сам Е. А. Цыпанов, в-третьих, обратил внимание на эту категорию и опубликовал уже после выхода в свет монографии о причастиях статью в соавторстве с М. Лейнонен (Цыпанов, Лейнонен 2000), свидетельствующую о возможном изменении его взглядов на трактовку форм с показателем *-ма*. Более того, в 2002 г. он высказал предположение о существовании целого «комплекса факторов, определяющих употребление времен» (Цыпанов 2002 : 174).

О все возрастающем интересе лингвистов к категории эвиденциальности свидетельствуют непрерывно появляющиеся, начиная со статьи Р. О. Якобсона (1957/1972 г.), регулярные публикации на данную тему с использованием материалов генетически разных языков;

выходят номера журналов со статьями по эвиденциальности (напр., LU 2002 XXXVIII, с. 81—155); проводятся международные симпозиумы (Мельбурн 2001), рабочие совещания (Москва 2003), посвященные этой тематике, и т. д. Усиливающееся внимание исследователей к неясной категории сопровождается отсутствием единодушия в вопросе о ее статусе, а это — в свою очередь — объяснимо тем, что, как писал А. Кюннап, «в ходе исследования анализируемый объект приобретает все больше новых характеристик» (Кюннап 2002 : 154).

Е. А. Цыпанов приводит внешне сходные примеры с формами на *-ма*, квалифицируя их иногда как причастия, а изредка как глаголы, передающие результат какого-то действия и вместе с тем непричастность к нему говорящего. Однако слова с данным суффиксом могут не только выступать в функции то причастия, то глагола, но и представлять собой кумулятивную единицу со значением прошедшего времени и особого неочевидного наклонения, имеющего, в свою очередь, ряд субкатегорий. В статье М. Лейнонен и Е. А. Цыпанова подробно описаны различные значения неочевидности действия, выраженного II прошедшим, но авторы не рискнули сделать напрашивающийся вывод о кумулятивном характере данной категории — категории времени-наклонения, встречающейся во многих языках, например, в самодийских, на что указывали И. П. Сорокина, А. Кюннап, отмечавшие эту категорию в энецком языке (Сорокина 1975; Кюннап 2002), Е. А. Хелимский в нганасанском (1994) и др.

Можно выдвинуть также новые гипотезы: например, эвиденциальность — особое наклонение, имеющее несколько сем; у него есть лишь одна форма прошедшего времени, а категория II прошедшего времени индикатива «обслуживает» два наклонения, создавая зону переходности. Иными словами, II прошедшее время индикатива, будучи вполне очевидным и достоверным, означает, как в приведенном выше примере *узьма пу* или *пу узьма*, действие далекое, но достоверное (в отличие от I прошедшего

близкого). Во фразах *Батый шуис мый пачй ваймма* 'Отец-мой сказал, что печь-моя догорела' и *Менам виставлисны кдж адджылма ошкс* 'Мне рассказывали, кто-то видел медведя', мы имеем дело явно с разновидностью II прошедшего времени не индикатива, а субкатегории неочевидного (эвиденциального, ирреального) наклонения, скорее всего, — квотатива. Часто эвиденциальность (ирреалис) подразделяют (прежде всего семантически) на квотатив, или пересказывательное наклонение, (адмиратив, инференциал, оптатив, латентив /нарратив, аудитив и другие модальные формы; сюда относят даже конъюнктив и кондиционалис и т.п. Обычно речь идет о модальных субкатегориях (то есть о наклонениях или их разновидностях) при наличии соответствующих показателей категории, но нередко категория может быть выражена в языке аналитически, а не синтетически. Что касается коми языка, то в нем вместо двух категорий наклонения (индикатив и императив) можно говорить о трех наклонениях, причем переходной зоной от индикатива к эвиденциальности служит т. н. II прошедшее время, где в суффиксе *-ма* сопряжены сразу два значения: времени и наклонения. Что касается других форм прошедшего времени (а их Е. А. Цыпанов в автореферате выделяет еще шесть, то есть всего прошедших времен в коми языке восемь), то все они выражены аналитически. Те из них, которые входят в конструкции «глагольная частица *вли* + наст. время», «*вли* + I буд. время» или «причастие *вм* + наст. время» и «*вм* + I буд. время» и передают действие незаконченное, а в сочетании «*вли* или *вм* + II прош. время» передают действие законченное (чему, к сожалению, Е. А. Цыпанов не уделяет достаточного внимания), имеют значения неочевидности, то есть могут быть отнесены не только по смысловому, но и по формальному признаку к эвиденциальному наклонению, спецификой которого является также дефектная парадигма, отсутствие 1-го лица.

Идея выделения кумулятивной категории не чужда Е. А. Цыпанову: имен-

но такой он предлагает считать форму на *-ми*, сочетающую в себе свойства и причастий, и деепричастий (с. 185), тем более, что глагольные формы, подобные пермским образованиям, есть и в саамском языке.

В 2002 г. вышла новая монография Е. А. Цыпанова «Грамматическая категория залога в коми глаголе». (см. также отзыв Е. А. Игушева. — LU XXXIX, с. 141—143).

Ее I глава «Проблема залога в коми и финно-угорском языкознании» (с. 6—20) содержит общие сведения о категории залога, о разных точках зрения на залог, о категории залога как системе. В отличие от традиционных старых описаний залоговых категорий, когда залоговые категории описывались в рамках глагольной деривации, Е. А. Цыпанов в своей работе исходит из универсальной теории залогов и диатез, но считает, что без некоторой корректировки эта теория не может применяться к анализу залогов коми языка. При определении залогов автор опирается как на формальный, так и на содержательный критерий. В заключение указывается на роль транзитивности/интранзитивности в образовании разных залоговых значений и отмечается характерная черта коми залогов — двузалоговость и даже трехзалоговость, под которой имеется в виду наличие в глагольной словоформе цепочек залоговых формантов либо рекуррентных, когда дважды повторяется один и тот же суффикс (типа *гиж-д-д-ны* 'заставить писать'), либо разных суффиксов, передающих разные залоговые значения, из которых именно последний в цепочке оказывается значимым (с. 20). Данный интереснейший факт, требующий, по словам автора, специальных исследований, отмечался и в других языках, в том числе, в русском, правда, на материале существительных и прилагательных (Кузнецова 1973).

В небольшой по объему II главе «Активный залог» (с. 21—25) Е. А. Цыпанов отстаивает положение о том, что «активный залог можно характеризовать как категорию, охватывающую всю глагольную лексику независимо от переходности/непереходности глагола» (с.

22). Здесь же говорится о классификации глаголов активного залога на основании их валентных характеристик (глаголы могут быть нуль-, одно-, двух- и трехвалентные). Валентность отражает синтаксические характеристики глаголов. Автору следовало бы сделать самоотсылку на монографию о причастиях, где рассматривались активные и пассивные причастия и давалась их темпоральная характеристика. Желательно было бы «замкнуть контур» и показать, возможна ли залоговая характеристика причастий, то есть могут ли быть (и какие именно) причастия от глаголов во всех залогах (активном, каузативном, рефлексивном), значения которых (медиальное, реципрокное, имперсональное и др.) подробно анализируются в книге.

В III главе «Каузативный залог» (с. 26—52) рассматривается образование каузатива, приводятся критерии его выделения и на значительном количестве примеров описываются суффиксы и три значения понудительного залога в коми языке: двуобъектно-двусубъектное, однообъектно-двусубъектное и безобъектно-двусубъектное каузативные значения.

Основное внимание читателя привлекает IV глава «Рефлексивный залог» (с. 53—96), в которой рассказывается об образовании рефлексива, об истории рефлексивных суффиксов и особенностях дистрибуции рефлексивных глаголов, а затем на большом фактическом материале, почерпнутом из диалектов и художественной литературы, анализируются медиальное, собственно рефлексивное, реципрокное, имперсональное и пассивное значения коми глаголов.

В «Заключении» (с. 97—99) автор отмечает интересные тенденции в развитии залога за последние полтора столетия: сокращение частоты встречаемости каузатива (правда, остается неясным, как это было установлено, поскольку нигде не говорится об объеме выборки) и увеличение количества глаголов в рефлексиве, видимо, под влиянием русского языка «в процессе межъязыкового перевода или интерферентных явлений в условиях массового коми-русского би-

лингвизма» (с. 99). В целом превалируют глаголы в активном залоге, что, впрочем, естественно. Е. А. Цыпанов наблюдал рост аналитических конструкций с глаголами *шуны* 'решить' и *тибктыны* 'приказать, велеть' и много других частных явлений.

Автореферат «Грамматические категории глагола в коми языке» дополняет общую картину глагольной систе-

мы коми языка в области категории лица-числа (глагольной персональности), времени и наклонения.

Обе рецензируемые книги и автореферат во многом с принципиально новых позиций освещают ключевые категории глагола коми языка и намечают перспективы дальнейших исследований автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецова А. И. 1973, Словообразовательный круг. — Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики, Москва, 141—151.
- Кюннэп А. 2002, Симпозиум, посвященный проблемам эвиденциальности. — LU XXXVIII, 154—155.
- Пауль Г. 1960, Принципы истории языка, Москва.
- Сорокина И. П. 1975, Морфология глагола энецкого языка, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1994, Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка. — Таймырский этнолингвистический сборник. Выпуск первый, Москва 190—221.
- Цыпанов Е. А. 2002, К вопросу о факторах, определяющих употребление I и II прошедших времен в коми языке. — LU XXXVIII, 165—175.
- Цыпанов Е. А., Лейнонен М. 2000, Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке. — Коми слово в грамматике и словаре, Сыктывкар (Труды Коми института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 62), 83—99.
- Якобсон Р. О. 1972, Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Сборник материалов по спецкурсу «Типология языков», Москва, 95—113.
- Künnäp, A. 2002, On the Enets Evidential suffixes. — LU XXXVIII, 145—153.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)